

кандидат филологических наук,
преподаватель русского языка
Высшей школы политических
исследований
(Ренн-Франция)

ОБРАЗ ВРАЧА И БЕСТИАРНЫЙ КОД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Сегодня тема анимализма в культурологических исследованиях не потеряла своей актуальности. Поиски в этой области приобретают всё более систематический характер на самых различных уровнях анализа: культурологическом, социологическом, антропологическом, семиотическом, онтологическом. Этой теме посвящены крупные международные конференцииⁱ. С 2011 года в Москве ежегодно проводится конференция, организованная Российским государственным гуманитарным университетом совместно с гуманитарным клубом «Intrada», в рамках проекта «Res et Verba». Однако, репрезентация животных в литературе не получила пока целостного и углублённого рассмотрения, несмотря на большое количество новых исследований. Бестиарный код изучен на уровне анализа произведений отдельно взятого писателя или образа конкретного животного и его мифологемиⁱⁱ.

Образ врача сквозь призму анималистической темы ещё не был затронут в исследованиях на уровне системного анализа. Цель наших исследований – на материале литературных текстов XIX века проанализировать бестиарный код в портрете врача и выявить возможные закономерности такой репрезентации. В процессе нашего анализа мы попытаемся ответить на ряд вопросов. В чём заключена авторская интенция и существует ли стилистический маркер того или иного автора в использовании образа животного в фигуре врача? Вливается ли бестиарный код в медицинский дискурс или остаётся на уровне художественной функции анималистической образности?

Врач в литературе XIX века выступает как один из знаковых персонажей, являясь «конгломератом человеческих отношений и судеб» [7, с. 189]. Его образ отражает не только конкретную историческую эпоху и эстетическую систему автора, но и выступает как «отражение всей системы культурных ценностей и общественной жизни» [7, с. 205]. Благодаря специфике его деятельности – одновременно лечить тело и душу – его образ полисемичен. Представитель науки – врач также выступает в социальной роли. Особенность фигуры врача образно вырисовывается в словах герценовского героя, доктора Крупова: «...знаете, наша должность медика ведет нас не в гостиную, не в залу, а в кабинет да в спальню» [1, с. 119]. Важно отметить, что образ врача в литературе XIX века развивался на протяжении всего века; его эволюция прошла несколько этапов – от комической маски у В. Нарезного и Н. Гоголя, через таинственного доктора Сегелиеля В. Одоевского на стыке науки и мистики, до фигуры реформатора, социально активной личности, учёного, мечтающего изменить мир (Базаров в романе «Отцы и дети» И. Тургенева, Лопухов и Кирсанов в романе «Что делать?» Н. Чернышевского и доктор Крупов А. Герцена)ⁱⁱⁱ. Наконец, доктор А. Чехова, «реальный», изображённый исключительно как «характер» и выходящий за рамки медицинского дискурса, представляет собой последний этап в эволюции образа врача в литературе XIX века^{iv}. Однако, несмотря на смену исторических эпох и на различие авторских интенций и эстетических направлений, фигура врача никогда не теряла своих исключительных качеств и функций, которые выделяют этот персонаж среди других^v, отводя ему роль маргинала.

Нам представляется уместным сначала рассмотреть животных, которые традиционно ассоциируются с фигурой врача благодаря мифам и легендам. Далее нашей задачей будет выявить наличие данных животных в репрезентации литературного образа врача на основе анализа художественного материала.

Самой известной ассоциацией выступает змея, обвивающая посох Асклепия, бога врачевания. Символ медицины, змея представляет собой метафору-антиномию, олицетворяющую одновременно Добро и Зло, Смерть и Бессмертие [13, с. 237]. Кроме этого, змея обладает загадочной способностью гипнотизировать мелких животных и птиц [4, I, с. 709-710; 9, с. 187]. Её амбивалентность соединяет в себе два противоположных начала: ядовитые укусы могут обладать как целебным, так и смертельным действиями, воплощая, таким образом,

ⁱ «Репрезентации животных в русской культуре» (Lausanne, 11-13 января 2007 г.), «The Other Animals: Situating the non-human in Russian Culture and History» (Roanoke, Virginia, 17-19 мая 2007 г.), «Зверь как знак. Интерпретация культурных кодов», VIII Пирровы чтения (Саратов, 24-26 июня 2010 г.), «Философия зайца как неожиданная перспектива гуманитарных исследований» (Санкт-Петербург, 19-21 июня 2014 г.).

ⁱⁱ Примеры исследований бестиарного кода в творчестве писателей: Козубовская Г.П. Художественная энтомология И.С. Тургенева // Современные тенденции развития науки и технологий. Материалы XVI Международной научно-практической конференции. Белгород, 2016. – № 7(4) – С. 26-31; Гродецкая А.Г. Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в "Обрыве" / Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. Материалы XX международной научной конференции. под общ. ред. В.Н. Скворцова. Санкт-Петербург, 2015. С. 156-162. Примеры исследований конкретных животных в литературе: Нагина К.А. Из бестиария русской литературы: человек и свинья в творчестве Л.Н. Толстого. Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и Философия. Ижевск, 2016 Вып. 3 С. 12-18; Хазанкович Ю.Г. Архетип "волка" в фольклоре и литературе // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2009. – Вып. 4 – С. 177-183.

ⁱⁱⁱ Об образе врача в литературе XIX века, см. Сакрэ Н.В. L'Image du médecin dans la littérature russe du XIXe siècle : [Дис. ... канд. филол. наук] / N. Sacré – Paris, Université Paris-Sorbonne-Paris IV, 2011 : <http://www.e-sorbonne.fr/theses/2011pa040147>.

^{iv} О персонаже врача в творчестве А.Чехова, см. Сакрэ Н.В. Эволюция образа врача и медицинский дискурс в творчестве А.П.Чехова // Классика и канон в руската литература. Юбилейт, ред. Р. Божанкова, Л. Димитров, И. Чекова, Г. Петкова, Р. Парашкевова. – София, 2016. – С. 81-89.

Воскресение Христа или гибель от деяний Дьявола-искусителя. Следует отметить, что фигура врача сохраняет свою амбивалентность в массовом сознании и сегодня: под воздействием различных обстоятельств мифологема «врач-спаситель» может перейти в мифологему «врач-убийца»^{vi}.

Образ змей по-разному связан с врачами в литературе. Главный персонаж романа Е. Гребенки «Доктор», Севрюгин в пьяном угаре разбивает настенные часы, из которых ему померещились «миллионы змей». Убив змей как символ медицины, он окончательно убивает в себе врача. Вскоре после этого эпизода, его находят мёртвым. Мотив змей как искушение, как борьба со злыми силами проявляется в образе Базарова, а точнее в его отношениях с Одинцовой, коса которой сравнивается в описании с тёмной змеей. Фамилия Хоботов из «Палаты № 6» А. Чехова происходит от слова «хобот», одно из старинных значений которого означает «хвост змеи» или саму «змею» [4, IV, 571]. Вероятно, Чехов, наделяя такой фамилией коварного и хитрого коллегу Рагина, снижает этот образ до «хвоста змеи». С одной стороны, Хоботов, бездушный и корыстный, становится косвенным убийцей Рагина (подобно змее, поражающей свою жертву); с другой стороны, из-за своей ограниченности и невежественности (имея единственную медицинскую книгу «Новейшие рецепты венской клиники за 1881 год») он не может претендовать на мудрость змеи, олицетворяя всего лишь её хвост. Итак, через метафору змеи в построении образа врача может угадываться тема смерти, а точнее соприкосновение с демоническим миром, приводящим к гибели. Эти мотивы и угадываются в героях Гребенки, Тургенева, Чехова.

Другое животное (а точнее, птица), исторически ассоциирующееся с образом врача и заключающее в себе понятие смерти, уходит своими истоками в Средневековую Европу. Во время эпидемий чумы доктора носили чёрную маску с клювом, напоминающую воронью голову [12]. У этих масок была двойная функция: с одной стороны, похожая на ворона или египетского бога Тота, маска имела устрашающий вид и, тем самым, отпугивала болезнь в коллективном сознании; но маска, клюв которой был заполнен ароматическими травами, имела при этом важную функциональную нагрузку (наподобие противогаза), становясь защитным барьером между больным и врачом. В маску вставляли специальные стеклянные линзы для защиты глаз, что, видимо, наводило ещё больший страх из-за эффекта блеска. Чёрный длинный плащ и специальная палка во избежание прямого контакта с заражёнными дополняли костюм Чумного доктора (*Medico della Peste*). Такая мистическая фигура оказала влияние на европейскую культуру: именно благодаря этому образу появилась знаменитая венецианская маска, а также персонаж (*Dottore*) в итальянской *Commedia dell'arte*. В древнегреческой мифологии ворона и ворону связывают с образом Аполлона (считаящегося также богом врачевания) и с его сыном Асклепием. Именно ворон принёс Аполлону весть об измене его любимой нимфы Коронида, матери Асклепия. В припадке ревности Аполлон убивает Корониду стрелой, а затем превращает её в ворону, при этом ворон-доносчик теряет своё белое оперение и становится чёрной мрачной птицей. Кроме зловещей роли предвестника несчастий, ворон, как и змея, олицетворяет мудрость. Являясь своеобразным посредником, он приносит спасение тем, кто оказался между жизнью и смертью [4, I, с. 248; 9, с. 458]. В русских сказках, как известно, именно ворон добывает живую и мёртвую воду умирающим героям, и, тем самым, спасает их.

Во внешнем облике персонажей врачей XIX века явно просматривается фигура Чумного доктора с его костюмом, напоминающем зловещего чёрного ворона. Несмотря на смену жанров эта характеристика – чёрная одежда – остается неизменной. Так, персонаж врача, одетый во всё чёрное, представлен у Н. Гоголя («Нос»), в «Арапе Петра Великого» А. Пушкина (врач-немец), у В. Одоевского в «Импровизаторе» (Сегелиель), в «Герое нашего времени» М. Лермонтова (Вернер), у Ф. Достоевского в «Двойнике» (Рутеншпиц). Сравним два описания. У М. Лермонтова: «Его маленькие черные глаза, всегда спокойные, старались проникнуть в ваши мысли. Его сюртук, галстук и жилет были постоянно черного цвета.» [11, IV, с.243] и у Ф. Достоевского: «[...] в черном фраке, [...] одаренный густыми, весьма черными бакенбардами; [...] взгляд [...] оледенел ужасом господина Голядкина. [...] два огненные глаза смотрели на него в темноте, и зловещею, адскою радостью блестели эти два глаза» [5, I, с. 291]. В этих двух портретах врач наводит ужас не только цветом одежды, но и взглядом, отсылающим читателя к маске Чумного доктора с блестящими линзами.

Ещё одна птица, сова, по традиции символизирующая врачебное искусство, подобно змее, является амбивалентным символом, который ассоциируется с мудростью, с тайной знания, а также с оккультными силами и смертью [4, IV, с. 259-260; 9, с. 473; 13, с. 244]. Уже в Средневековье сова как учёную птицу изображали в очках и с факелом в лапах в качестве эмблемы в трактатах по алхимии. Парадоксальный факт: ни ворон, ни сова, являющиеся птицами-символами медицины, не используются авторами прозы XIX века в построении образа врача (кроме Чехова в пьесе «Иванов»), о чём мы укажем ниже).

Что касается петуха, также входящего в медицинское поле, то в литературе XIX века ему повезло чуть больше: его упоминает в своём рассказе В. Одоевский «История о петухе, кошке и лягушке». А в XX веке он уже становится визионерским атрибутом, фирменным авторским знаком у М. Булгакова^{vii}. Связь петуха с медициной обусловлена тем, что своим пением он не только прогоняет нечистую силу, но и облегчает страдания больных по ночам, предвещая им конец мучений с восходом Солнца, с переходом от сумерек к свету. В античные времена и в Средневековье петуха изображали вместе со змеей (как, например, увенчанная лаврами женщина с посохом, обвитым змеей, и петухом в руке). У древних римлян петуха считали предсказателем, что сблизало его с авгурами и колдунами, традиционно считавшимися первыми врачевателями [9, с. 472; 13, с. 244-245]. Существует немало гипотез о символике петуха и его связи со змеей. Возможно, они дополняют друг друга, олицетворяя тем самым

^{vi} Врач ассоциировался с образом убийцы-отравителя, например, в XIX веке во время холерных бунтов, в XX веке в сталинскую эпоху.

^{vii} Подробнее о петухе в творчестве М. Булгакова см. Иваньшина Е.А. Театр одного актёра : об авторских масках М.А. Булгакова // Вестник Воронежского Государственного университета Сер.: Филология, Журналистика. – Воронеж, 2009, Вып. 1, С. 46-53.

качества врача – бдительность и осторожность. Согласно другой версии, они антиподы: змея выступает как прообраз смерти, а петух как символ возрождения.

Ещё одним животным, связанным с образом врача, является собака. Уже в древнейшие времена она была атрибутом богини врачевания и смерти Гулы в Месопотамии. Молоком собаки был вскормлен Асклепий, который сам нередко посещал больных в виде большой собаки, зализывающей раны нуждающимся. Метафора собаки скрывает в себе амбивалентный характер, отождествляясь как с сакральным образом и положительными качествами (верность, бдительность, искренность, самопожертвование), так и выражая отрицательную коннотацию, в которой заложен дьявольский код. Как известно, в мифологии собака выступает в образе психопомпа, проводника душ умерших, и охраняет вход в потусторонний мир [9, с. 206-208; 13, с. 244; 17, с. 134]. В романе А. Писемского «Масоны», доктор Сверстов сравнивается с собакой как аллегория верности: «[...] он с быстротой борзой собаки имел обыкновение кидаться ко всем, кого постигло какое-либо несчастье, тем более спешил на несчастье друзей своих» [16, VIII, с. 419]. Однако, несмотря на богатое смысловое наполнение метафоры собаки, в русской литературе XIX века она оказалась не востребовавшей. Редким исключением является вышеупомянутый герой А. Писемского и образ Базарова, связанный с собакой как с символом смерти. Базаров, уже находясь в пограничном состоянии, между жизнью и смертью, видит в бреду «красных собак». Как пишет Г.П. Козубовская, собака в снах Базарова «обретает символическую многозначность, амбивалентность: здесь и предчувствие близкой смерти (он – подобие пророчествующего Фавна), и горечь от неудавшегося романа, очевидна символика собаки как проводника в царство душ» [8, с. 22].

Ещё один парадоксальный факт: знаменитый автор «Каштанки» и «Дамы с собачкой», счастливый обладатель двух такс (с медицинскими кличками – Бром Исаевич и Хина Марковна), А. Чехов, не ассоциировал собак с образом своего литературного врача. Однако, как отмечает А.П. Чудаков, собак в произведениях Чехова столько, что они «вполне могли бы дать достаточный материал для трактата «Псы у Чехова» [16, с. 203]. Образ собаки, как одного из элементов фигуры врача окажется более востребованным в XX веке, а именно в знаменитом романе М. Булгакова «Собачье сердце», где авторская философская концепция будет выстроена сквозь всю призму бесптиарного собачьего кода.

Итак, на основе проделанного анализа животных, традиционно связанных с медициной, а именно змеи, вороны, совы, петуха, собаки, можно заключить, что в XIX веке писатели редко прибегали к этим знаковым фигурам в построении образа врача.

Как известно, имя в художественном произведении многофункционально и полисемично. Что представляют собой фамилии литературных врачей, отсылающие к животному миру? Несут ли они в себе какую-либо смысловую нагрузку? Апелляция с сатирическим уклоном присутствует у В. Нарезного в комедии-водевиле «Невеста под замком» с аллюзией на обезьяну (Аффенберг). У А. Пушкина в поэме «Бова» упомянут «лекарь славный» Эзельдорф с прямым намёком на осла. Фамилия доктора Зальццифа из романа Ф. Достоевского «Бесы» в переводе с немецкого означает «солёная рыба». Подобные апелляции несут в себе отголоски комической маски доктора, героя интермедий XVIII века. Встречаются также и другие «рыбные» фамилии, но уже без комических или сатирических интенций. Служа народу, Ершов («ёрш» означает «строптивый, сварливый человек» [4, I, с. 537]) из стихотворения Н. Некрасова «Ершов-лекарь», которого крестьяне с любовью называли Ёршик, проявлял «прямоту» своего характера только по отношению к «барам». Севрюгина, главного персонажа романа Е. Гребенки «Доктор», попавшего в сети авантюристов, для которых он был лишь источником доходов, считали угрюмым и несговорчивым, что соответствует переносному значению его «рыбной» фамилии, производной от слова «севрюк», означающее «угрюмый, суровый человек, воркун, брюзгач, неприступный». [4, IV, с. 173]. Анималистический код заложен в фамилии упомянутого выше Хоботова из «Палаты № 6» А. Чехова. В фамилии народного лекаря Крылушкина, предвосхитившего плеяду праведников, из повести «Житие одной бабы» Н. Лескова, крылья придают герою ангелоподобные черты. Напротив, в главном герое повести А. Герцена «Aphorismata», прозекторе Тите Левиафанском, ученике доктора Крупова, чувствуется мощное демоническое начало. Его философия о безумии может увлечь общество в пропасть анархии, в бездну хаоса. Его фамилия, производная от «левиафан», означает морское чудовище-змею, упоминаемое в Ветхом Завете [17, с. 355-356].

Дань анималистическим фамилиям отдал и А. Чехов. Знаменитый юмористический рассказ «Лошадиная фамилия» построен исключительно на поиске фамилии чиновника (и знахаря по совместительству) и её «животной» семантики, оказавшейся «невостребованной»^{viii}. Фельдшер Курятин, замещающий хирурга, – герой другого знаменитого юмористического рассказа, «Хирургия», не владеет врачебным искусством, действуя как «курица лапой» (от латинского «gallina scirpsit», чуть позднее это выражение будет использовано Чеховым в рассказе «Неудача»). Фельдшер хочет показать себя культурным и образованным, но все его действия, речь и облик говорят об обратном. Возможно, Чехов, наделяя такой фамилией своего героя, намекает на народную мудрость, согласно которой глупого человека сравнивают с курицей. В другом юмористическом рассказе, «Ночь перед судом», самозванец выдаёт себя за врача с целью поухаживать за замужней женщиной и выписывает ей рецепт под вымышленной фамилией Зайцев. Во многих традициях и культурах заяц ассоциируется не только с трусостью, но и с хитростью и обманом. В данном рассказе метафора зайца прослеживается в свете двух мотивов: после раскрытия обмана приходит страх за содеянное (в ожидании наказания). Земский врач «со звериной фамилией» Соболь (как отмечает сам Чехов в повествовании) в рассказе «Жена» – самоотверженный и честный. Альтруист, он поглощён

^{viii} См. об анализе рассказа «Лошадиная фамилия»: Фарино Е. К не востребовавшей мифологемике «Лошадиной фамилии» Чехова. // Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku. Pod red. E.Biernat i T.Bogdanowicza. Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. – Gdańsk, 1999 – С. 28-38

идеями об реорганизации общества. Как считает Е.Б. Меве^{ix}, Соболев, один из ярких положительных персонажей чеховской галереи врачей, являет собой настоящий тип врача-демократа. Возможно, в его фамилии заложена скрытая метафора благородства. В этом персонаже угадывается авторская идентификация: слова Соболя о коренном переустройстве общества – это кредо самого Чехова. Фамилия другого чеховского врача, Коростелёва, коллеги Дымова из рассказа «Попрыгунья», содержит в себе иронический подтекст. Она является производной от «коростель» и означает «малую водяную курочку» с характерным, отрывочным криком [4, II, с. 227]. Чехов выписывая «птичий» образ персонажа, снижает его до карикатуры: этот «маленький стриженный человечек с помятым лицом» [15, VIII, с. 21] поёт тенором трагическую песню о тяжёлой доле народа («Укажи мне такую обитель, где бы русский мужик не стонал», на стихи Н. Некрасова). Как отмечает В. Зубарева, такая фамилия ставит его в ряд мелких сошек, а Дымов на таком фоне кажется Гулливером среди лилипутов [6, с. 178]. Что касается названия рассказа «Попрыгунья», по мнению А.Я. Кубасова, он таит в себе «скрытый зооморфный образ», вызывая в сознании читателя басню И. Крылова «Стрекоза и Муравей». Скрытая анимализация выдаёт авторскую позицию через условно-ролевые облики: ассоциации Ольги Ивановны со стрекозой, Дымова с муравьём являются частью художественного замысла Чехова [10, с. 50].

Бестиарный код тонко обыгрывается в фамилиях героев-врачей в чеховских пьесах. Так, молодой доктор Львов в одной из первых пьес, «Иванов», имеет о себе слишком высокое мнение (здесь возможная аллегория с «царём зверей»), несмотря на собственное признание о неумении разбираться в людях и в их чувствах. Иванов совершает самоубийство не без влияния разговоров со Львовым, который наносит, таким образом, меткий «хищный» удар. В следующей пьесе, «Леший», доктор Михаил Львович Хрущов устанавливает «родственные» связи со Львовым посредством отчества. Значима и его фамилия, происходящая от слова «хрущ» («жук») [4, IV, с. 583]. Провозглашая себе вегетарианцем, Хрущов отрекается от хищничества, что выглядит иронично. Ирония усиливается, когда один из героев называет его львом. Однако, в метафоре жука заключена тема вредителя растительного мира. Планы Хрущова слишком амбициозны и выглядят ещё более несоразмерными, когда он заявляет о своём намерении «отрастить крылья орла». Наделяя такой фамилией героя, автор перечёркивает его заявленную созидательную, лесопосадочную деятельность, ведь, по сути, он скорее «леший». В пьесе «Дядя Ваня» (являющаяся переработанным текстом пьесы «Леший») Чехов изменил фамилию героя на Астрова, правда, с сохранением имени и отчества, отказываясь от хищническо-вредительского мотива и переходя к более усложненной «ботанической» теме. Важно заметить, что переход к Астрову Чехов делает через Дорна из пьесы «Чайка», созданной в период между «Лешим» и «Дядей Ваней». Дорн в переводе с немецкого («*der Dorn*») означает шип или колючку. В его образе сохраняются «хищные» мотивы: он ещё не беззащитный декоративный цветок (как астра), а колючее растение, способное защищаться. А его имя, Евгений, является аллюзией на доктора Львова, носящего такое же имя. В упомянутых пьесах, в которых образ врача проходит красной нитью, образуя единый текст, его апелляция прямо или косвенно содержит бестиарный код, через который прослеживается авторская позиция.

Итак, из вышеприведённых примеров видно, что фамилии литературных врачей имеют важную смысловую нагрузку, что особенно выражено в произведениях Чехова. Прямо или косвенно, писатель нередко прибегает к образу животных в своём творчестве. Интерес к зоологической теме проявляется даже на уровне псевдонимов: среди 55 чеховских псевдонимов есть отсылы к животному миру, а точнее, к птицам: Грач, Индейкин, Архип Индейкин, Петухов^x. Среди представителей животного мира Чехов главным образом выделяет птиц и в том числе через призму образа врача. Между тем, «птичья» тема раскрывается не только в апелляции героя-врача, но и получает своё развитие и на других уровнях репрезентации персонажа и особенно в драматургии^{xi}. Так, образ птицы вводится через фигуру врача, Львова, в пьесе «Иванов». Сравнивая дом Ивановых с «совиным гнездом», а самих хозяев с «коршунами» (в славянских и других культурах коршун традиционно символизирует смерть, как «пожиратель плоти» [3, с. 542]), Львов как бы акцентирует атмосферу тревожности с предчувствием беды и смерти (в «Вишнёвом саде» в словах Фирса символический образ совы как предвестницы несчастья реализуется уже в полной мере). Позднее в чеховской драматургии птица станет самостоятельным образом в пьесе «Чайка». Вокруг неё строятся события пьесы, объединяя вместе всех главных персонажей, в том числе и доктора Дорна. Основываясь на значении метафоры чайки («чаять», «надеяться»), В. Гульченко считает, что в пьесе не одна, а семь чаек, персонифицированных в семь основных действующих лиц [2, с. 175]. Здесь символ чайки, связанный с несбывшимися мечтами героев, выходит на более сложный и многогранный уровень восприятия персонажа и художественного текста в целом^{xii}. В «Трёх сестрах» образ птицы также проходит красной нитью сквозь всю пьесу. Главные герои в чём-то напоминают птиц. Впервые образ птицы появляется в диалоге Ирины с Чебутыкиным, который называет её «птицей белой», намекая на чистоту её помыслов. В последнем действии сам Чебутыкин сравнивает себя с «перелётной птицей, которая состарилась и не может лететь» [15, XIII, с. 175]. Здесь, как и в «Чайке», образ птиц ассоциируется с потерянными надеждами и с осознанием несбыточности мечты.

^{ix} Подробнее о персонаже Соболя, см. Меве Е.Б. Страницы из жизни А.П.Чехова – Харьков: Издательство Харьковского научного медицинского общества и Харьковского военного госпиталя, 1959. – 109 с.

^x Подробнее о псевдонимах А.Чехова, см. Евсеев Д.М. Неизвестные псевдонимы А.П.Чехова. – М.: Гелиос АРВ, 2008. – 144 с.

^{xi} Подробнее о символике в драматургии А.Чехова, см. Паперный З.С. Против условий сцены (“Чайка”) / З.С.Паперный «Вопреки всем правилам...»: пьесы и водевили Чехова. – М.: Искусство, 1982. – С. 124-167.

^{xii} Подробнее об исключительном характере образа Дорна, см. Сакрэ Н.В. Асклелий или Аполлон? Загадочный образ доктора Дорна в пьесе А.П.Чехова “Чайка” / “Чайка”. Продолжение полёта. По материалам Третых международных Скафтымовских чтений «Пьеса А.П. Чехова “Чайка” в контексте современного искусства и литературы»: Коллективная монография / редкол.: В.В.Гульченко (отв. ред.) [и др.]. – М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2016. – С. 177-183.

Помимо бестиарного кода через призму персонажа врача в творчестве А. Чехова, представляющего богатый материал для исследований, мы смогли выделить ещё трёх писателей XIX века, использующих данную тему в своих произведениях и принадлежащих к разным эстетическим направлениям, – В. Одоевского, И. Тургенева и А.К. Толстого.

В. Одоевский стремился создать в литературе идеальный тип универсального учёного, отражая в нём широкий круг собственных интересов – химию, оккультные науки, технологию, музыку, медицину. В вышеупомянутом рассказе «История о петухе, кошке и лягушке» наука противопоставляется старым верованиям. Городничий Зёрнушкин обращается к уездному лекарю Горемыкину с просьбой вытащить у него «жабу» из головы. Здесь Одоевский иронизирует над предрассудками и суевериями, царивших в коллективном сознании в его время, когда лягушку ассоциировали с хтоническим миром [9, с. 200]. Но с такой же иронией автор высмеивает тех, кто враждебно и с недоверием относится к новым научным веяниям. Для врача, представителя науки, лягушка – это прежде всего объект лабораторных опытов. Одоевский выступает как предвестник великой эпохи, в которой лягушки станут символов нового времени. Стремительная эволюция естественных наук и знаменитые опыты И. Сеченова, доказавшие первичность физиологических процессов над психическими, сильно всколыхнули интеллектуальные круги и повлекли глубокие изменения в общественном сознании. Сеченовская теория стала ассоциироваться с образом лягушки. Д. Писарев в статье «Мотивы русской драмы», упоминая об экспериментальных опытах Сеченова, видит в лягушке возрождение русского народа. Действительно, образ лягушки, пришедший из сказки и сохранившийся в коллективном сознании, был положительно принят обществом. С приходом же И. Сеченова её персонификация уже достигает научного уровня. Литературное сознание, заинтересованное метафорой лягушки в этом новом контексте, берёт её на вооружение и вводит в своё пространство. Так, у И. Тургенева Базаров объясняет деревенским детям основы физиологии человека на примере лягушки, выводя её на научный уровень, чтобы подчеркнуть её сходство с человеком. Вслед за Базаровым, принимаются резать лягушек и врачи-реформаторы, герои романа Н. Чернышевского «Что делать?». Таким образом, медицина стала рассматриваться не только как наука, но и как идейное поле деятельности, при этом образ лягушки выступил посредником между старым и новым миром. В эту же бурную эпоху 1860-х гг. А.К. Толстой создаёт свой сатирический цикл «Медицинских стихотворений», в которых комический образ врача выстраивается через призму его отношений с насекомыми и птицами (с божьей коровкой, навозным жуком, скворцами и шпанской мухой). Считающийся противником идей нигилизма^{xiii}, выступающий против его крайних форм выражения (пошлости и утилитаризма), А.К. Толстой в образе врача, учёного высмеивает «прогрессиста», доводя до абсурдности некоторые его черты, как, например, рациональность и полное отсутствие духовного начала. Персонаж снижен до уровня «мелких» представителей животного мира: равнодушный к божьей коровке, доктор назначает ей свидание; обвиняемый в смерти одной из пациенток, он преследуется навозным жуком; играя на дудочке «бессознательные мотивы», становится предметом зависти скворца; а во время своих любовных походов изображается объектом мести шпанской мухи. Впервые в русской литературе в этом произведении, в котором медицина является основной темой и имеет детерминирующую функцию в повествовании, через элементы бестиарного кода фигура врача выводится в сатирическом свете именно в роли учёного, а не шарлатана, представителя комической маски прошлых эпох.

Несмотря на разность художественных направлений, В. Одоевский, И. Тургенев и А.К. Толстой интегрировали элементы бестиарного кода в репрезентацию портрета врача на уровне медицинского дискурса, в отличие от А. Чехова, который ввёл элементы животного мира в образ врача в рамках своей эстетической концепции, за пределами медицинского поля.

Итак, на основе проведённого анализа, можно заключить, что «животная» тема в репрезентации фигуры врача в русской литературе XIX века проявляется по-разному в зависимости от автора – от эстетической функции до включения в медицинский дискурс, в котором она становится значимым элементом.

Литература:

1. Герцен А.И. Рассказы и повести. М.: Советская Россия, 1987. 528 с.
2. Гульченко В.В. Сколько чаек в чеховской «Чайке». Нева. 2009. №12. С. 175-185.
3. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. Т. 1-4. Тип. М.О. Вольфа Спб. – М., 1880-1882.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15-ти томах. Л.: Наука, 1988-1996.
6. Зубарева В. Чехов в XXI веке: позиционный стиль и комедия нового типа. Статьи и эссе. Idylwild (Canada): Charles Schlacks, Jr. Publisher, 2015. 275 с.
7. Ковелина Т.А. Образ врача в культуре. Ростов-на-Дону: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ, 2006. 220 с.
8. Козубовская Г.П., Самосенко Д.А. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети»: бестиарный мотив в «усадебном тексте». Вестник Алтайской государственной педагогической академии. Сер.: Гуманитарные науки. Барнаул, 2014. Вып. 21. С. 21-29.
9. Королев К.М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 608 с.
10. Кубасов А.Я. Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.
11. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. Л.: Наука, 1979-1981.

^{xiii} См. Ранчин А.М. Юмор и сатира в поэзии графа А.К. Толстого [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru/philology/43356.php>.

12. Марков Б.В., Хабулава Г.Г. Трансформация образов врача и больного в истории культуры. Медицинская антропология и биоэтика. М., 2013, № 4. URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=1107
13. Марчукова С.М. Медицина в зеркале истории. М.: Европейский Дом, 2003. 272 с.
14. Писемский А.Ф. Собрание сочинений в 9-ти томах. М.: Правда, 1959.
15. Чехов А.П. Сочинения в 18 томах. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. М.: Наука, 1974-1982.
16. Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Советский писатель, 1986. 379 с.
17. Encyclopédie des symboles, sous la direction de M.Cazenave. Paris, France Loisirs, 1997. 818 p.

Анотація

**Н. САКРЕ. ОБРАЗ ЛІКАРЯ ТА БЕСТІАРНИЙ КОД
У РОСІЙСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ ХІХ СТОЛІТТЯ**

У статті пропонується аналіз репрезентації тварин в образі лікаря у російській літературі ХІХ століття. Одна з основних цілей дослідження – визначити, які тварини пов’язані з літературним героєм та виявити можливі закономірності такої репрезентації. Чи є запитуваними тварини, які традиційно пов’язані з медициною, і на якому рівні вони відображаються в образах лікаря? Чи є бестіарний код одним із можливих шляхів для виявлення авторської позиції у репрезентації лікаря? Які автори включають елементи тваринного світу у медичний дискурс?

Ключові слова: російська література ХІХ століття, образ лікаря, бестіарний код, тварини-символи медицини, медичний дискурс.

Аннотация

**Н. САКРЭ. ОБРАЗ ВРАЧА И БЕСТИАРНЫЙ КОД
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ХІХ ВЕКА**

В статье предлагается анализ репрезентации животных в образе врача в русской литературе ХІХ века. Одна из основных целей исследования – определить, какие животные связаны с литературным героем и выявить возможные закономерности такой репрезентации. Востребованы ли животные, традиционно связанные с медициной, и на каком уровне они отражаются в персонажах врача? Является ли бестіарный код одним из возможных путей для выявления авторской позиции в репрезентации врача? Какие авторы включают элементы животного мира в медицинский дискурс?

Ключевые слова: русская литература ХІХ века, образ врача, бестіарный код, животные-символы медицины, медицинский дискурс.

Summary

**N. SACRE. IMAGE OF A DOCTOR AND BESTIARY CODE
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19th CENTURY**

This article suggests the analysis of the representation of animals in the image of the doctor in Russian literature of the 19th century. One of the aims of our study is to discover how animals relate to the character and to find some patterns of such representation. Do these animals feature in the doctor’s portrayal? Is the bestiary code one of the possible ways to identify the author’s position in the representation of the doctor? What authors include some elements from animal’s world into the medical discourse?

Key words: Russian literature of the 19th century, image of a doctor, bestiary code, animal-symbols of medicine, medical discourse.